

Максим Горький

На пароходе

Максим Горький

На пароходе

«Public Domain»

1913

Горький М.

На пароходе / М. Горький — «Public Domain», 1913

«Вода реки гладкая, тускло-серебристая, течение ее почти неуловимо, она как бы застыла, принакрытая мглою жаркого дня, и только непрерывное изменение берегов дает понять, как легко и спокойно сносит река старенький рыжий пароход с белой каймой на трубе, с неуклюжей баржей на буксире. Сонно чмокают шлепки плиц, под палубой тяжело возится машина, сипит-вздыхает пар, дребезжит какой-то колокольчик, глухо ерзает рулевая цепь, но все звуки – не нужны и как будто не слышны в дремотной тишине, застывшей над рекой...»

Максим Горький

На пароходе

Вода реки гладкая, тускло-серебристая, течение ее почти неуловимо, она как бы застыла, принакрытая мглой жаркого дня, и только непрерывное изменение берегов дает понять, как легко и спокойно сносит река старенький рыжий пароход с белой каймой на трубе, с неуклюжей баржей на буксире.

Сонно чмокают шлепки плиц, под палубой тяжело возится машина, сипит-вздыхает пар, дребезжит какой-то колокольчик, глухо ерзает рулевая цепь, но все звуки – не нужны и как будто не слышны в дремотной тишине, застывшей над рекой.

Лето – сухое, и вода – низка; на носу парохода матрос, похожий на монаха, – худощавый, чернобородый, с погашенными глазами на желтом лице, – мерно спуская за борт пеструю наметку, стонет-поет печально тающим голосом:

– Се-ем... се-ем... шесть...

Словно жалуется:

«Сеем, сеем, а есть – нечего...»

Пароход не спеша поворачивает свой стерляжий нос то к одному берегу, то к другому, баржа рыскает, серый шнур буксира натягивается струною, дрожит; золотыми и серебряными искрами летят от него во все стороны брызги воды, – с капитанского мостика кричат в рупор толстые слова:

– Оол...уо...

Под носом баржи – белый крылатый вал, разрезанный надвое, он волнисто бежит к берегам.

В луговой стороне, должно быть, горят торфяники, там, над черными лесами, нависло опаловое облако, а может, его надышали болота.

С правой стороны берег высок, обрывист, голые глинистые скаты, но иногда они разрезаны оврагом, в нем – в тени – прячутся осины и березы.

Тихо, жарко, безлюдно на земле, в мутно-синем, выгоревшем небе – раскаленное добела солнце.

Без конца расплылись луга, кое-где среди них одиноко стоят, заснув, деревья, звездою дневной горит над ними крест сельской колокольни, вскинута в небо серые крылья мельницы, далеко от берега видны парчовые скатерти зреющих хлебов. Люди редко видны.

Всё вокруг немного слинявшее, спокойное и трогательно простое, всё так близко, понятно и мило душе. Смотришь на медленные, неуверенные изменения горного берега, на неизменную широту лугов, на зеленые хороводы леса, – они подходят к воде и, заглянув в зеркало ее, снова тихо уплывают в даль, – смотришь и думаешь, что не может быть на земле столь просто и ласково красивых мест, каковы эти вот – тихие берега реки.

Уже на прибрежных кустарниках виден желтый лист, но всё вокруг улыбается двойственной, задумчивой улыбкой молодухи, для которой пришла пора впервые родить, – и страшит ее это и радует.

Время – далеко за полдень. Пассажиры третьего класса, изнывая от скуки и жары, пьют чай, пиво, многие сидят у бортов, молча глядя на берега. Дрожит палуба, звенит посуда в буфете, и всё вздыхает усыпительно матрос:

– Шесть... шесть с половина-ай...

Из машины вылез копченый кочегар и, развинченно покачиваясь, тяжело шаркая босыми ногами, идет мимо кагаты боцмана, а боцман, светловолосый бородастый костромич, стоя в двери и насмешливо прищутив бойкие глаза, спрашивает:

- Куда торопишься?
- Митьку дразнить.
- И то – дело!

Болтая черными руками, кочегар пошел дальше, боцман, неохотно позевнув, оглянулся. Около спуска в машину на длинном ящике сидит маленький человечек в коричневом пиджаке, о новом теплом картузе, в сапогах, облепленных серыми комьями засохшей грязи.

От скуки боцману захотелось распорядиться, он строго окрикнул:

– Эй, земляк!

Тот, пугливо и по-волчьи, – всем туловищем, – повернулся к нему.

– Ты чего тут сел? Написано – «Осторожно», а ты сел! Али неграмотен?

Пассажир встал и, оглядывая ящик, отозвался:

- Грамотный.
- А сидишь где нельзя!
- Не видать надпись-то.
- И жарко тут; из машины масляный дух. Ты откуда?
- Кашинской.
- Давно из дома?
- Третья неделя.
- Дожди у вас были?
- Не-е. Какие тут дожди!
- А отчего сапоги у тебя эдак грязны?

Опустив голову, пассажир выдвинул вперед одну ногу, потом другую, посмотрел на них и сказал:

– Это не мои сапоги.

Боцман ухмыльнулся, его светлая борода весело ощетинилась.

– Ты – что, пьющий, что ли?

Не ответив, пассажир тихо, короткими шагами, пошел на корму. Рукава пиджака опустились ниже кистей его рук, стало ясно, что пиджак на нем с чужого плеча. Глядя, как осторожно и неуверенно он шагает, боцман нахмурился, закусил бороду, подошел к матросу, усердно оттиравшему голую ладонью медь на двери каюты капитана, и негромко сказал ему:

- Тут едет маленький, в рыжем пиджаке, сапоги грязные – видал?
- Видал будто.
- Скажи – поглядывали бы за ним.
- Жулик?
- Вроде того.
- Ладно...

За столом, около рубки первого класса, толстый человек, весь в сером, одиноко пьет пиво. Он уже осовел в тяжелом опьянении, глаза его слепо выкатились и, не мигая, смотрят в стену. Пред ним на столе, в липких лужах, копошатся мухи, они ползают по его седоватой бороде, по кирпично-красной коже неподвижного лица.

Боцман сказал, подмигнув на него:

- Все гасит.
- Такое его дело, – отозвался, вздохнув, рябой безбровый матрос.

Пьяный чихнул, мухи тучей взвились над столом; боцман поглядел на них и, тоже вздохнув, сказал задумчиво:

– Мухами чихает...

Я облюбовал себе место на дровах, около трюма кочегарни, и, лежа, смотрю, как темнеют горы, тихо подвигаясь встречу пароходу, бросая на воду траурную пелену. В лугах еще

догорает вечерняя заря, стволы берез красны, новая крыша избы у самого берега точно кумачом покрыта» там всё плавится в огне и, теряя очертания, течет широкими ручьями красного, оранжевого, синего, а на горе стоит черный ельник и напряженно приподнят, острый, точеный.

Уже рыбаки зажгли костер под горою, огонь, играя, освещает белый борт лодки, темного человека в ней, паутину сети, повешенной на кольях, и бабу в желтой кофте, присевшую у огня. Над костром и женщиной растопырилось черное ветвистое дерево, и видно, как трепещут золотисто освещенные листья нижних веток.

Примятый сумраком вечера, говор пассажиров слился в сплошной, по-пчелиному гудящий звук: не видно и непонятно, кто о чем говорит, бессвязны слова, но как будто все говорят об одном, дружески и правдиво. Слышен сдержанный смех молодой женщины, на корме ладятся петь, но не могут найти песню всем по душе и негромко, без сердца, спорят. Во всех звуках есть что-то вечернее, мирно-печальное, похожее на молитву.

За дровами, близко от меня, густой, гудящий голос не спеша рассказывает:

– Был он парень-удача, опрятный, гладкой, а после того – замшился, запаршивел, в сучки пошел...

Другой голос, бодрый и звонкий, восклицает:

– Не тянись к барам, не пройдет даром...

– Однако сказано, рыба ищет – иде глубже...

– А дурак – что хуже! Он тебе не родня?

– Брат родной...

– О? Ну, прости за слово.

– Ничего. Он – дурак и есть, ежели прямо-то сказать...

К отводу подошел пассажир в коричневом пиджаке; держась левою рукой за стойку, он шагнул на решетку, под которой пенно кипела вода, взбитая колесом, и долго стоял, глядя за борт, покачиваясь, напоминая летучую мышь, которая, зацепившись одним крылом за что-то, висит в воздухе. Глубоко надвинутый картуз согнул ему уши, и они смешно оттопырились.

Вот он обернулся, всматриваясь в сумрак под тентом парохода и, должно быть, не различая меня в дровах. Мне хорошо видно его лицо – острый нос, клочья рыжеватой шерсти на щеках и подбородке, маленькие, неясные глаза. Он, видимо, прислушивается к чему-то.

Вдруг он решительно шагнул на отвод, быстро отвязал от железа перил швабру, бросил ее за борт и тотчас стал отвязывать другую.

– Эй, – окликнул я его, – это зачем?

Он подпрыгнул, завертелся и, приложив руку ко лбу, отыскивая меня глазами, заговорил тихонько, быстро, заикаясь:

– К'акое дело, а? В'от ведь!..

Я подошел к нему, удивленный и заинтересованный его озорством.

– За это с матросов взыщут...

Поочередно подтягивая вверх рукава пиджака, точно собираясь драться, и тихо притопывая ногою по скользкой решетке, он бормотал:

– Я вижу – отвязалась она, сейчас ее стрясет в реку! Хотел привязать да и не сумел – ускользнула из рук.

– А мне показалось, – заметил я, – что вы ее сами отвязали да сбросили.

– Ну вот, – зачем же! Разве можно!

Легко и быстро проскользнув под рукой у меня, он пошел прочь, все поправляя рукава. Пиджак смешно укорачивал его ноги, и снова бросилось в глаза, что походка у него какая-то виляющая, тревожная.

Ночь пришла: люди заснули, ухо привыкло к неугомонному шуму машины, к мерному хлюпанью колес по воде и уже не воспринимает этот шум. Сквозь него ясно слышен храп спящих, тихие шаги, чей-то возбужденный шёпот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.